

Уговорив Яо Ланьмэй вернуться в павильон Юйсюань, Юй Циньинь немедленно отправился в путь на поиски перерождения Му Сибая. В последнее время он непривычно часто покидал свои покои, нарушая многовековую привычку затворничества. Однако на этот раз дело было сугубо личным, а потому Глава павильона отринул былую помпезность: облачился в скромный наряд и в одиночку пустился в дорогу к заштатному городку, где ныне обитал его старый знакомый. Судя по письму Ли Е, это селение находилось совсем рядом с Лояном, так что Циньинь решил сперва перевести дух в городе, а заодно разузнать последние столичные новости.

Едва переступив порог Лояна, Юй Циньинь заглянул в одну из людных ресторанов и вальяжно устроился за столиком у окна. Его белые одежды, мелькавшие в проёме, невольно приковывали взор: ветер играл складками шёлка, чёрные волосы рассыпались по плечам, подчёркивая изящный овал лица. Он улыбался едва заметной, почти прозрачной улыбкой, в которой сквозило нечто неземное.

Половой, едва завидев гостя столь благородного вида, мигом подлетел к нему с услужливым поклоном:

— Барышня, чего изволите?

«Опять барышня?» — мысленно вздохнул Циньинь.

Он небрежно взял с подноса чарку и поднёс к губам, пригубив остывающий чай.

— Осторожнее, красавица, не обожгитесь, — заботливо предостерёг слуга.

Юй Циньинь лишь одарил его кроткой улыбкой, не желая тратить силы на пустые споры. Он не стремился скрыть свою сущность, но его облик, в котором мужское начало сплеталось с женским изяществом, неизменно вводил смертных в заблуждение.

Пока половой рассыпался в любезностях, Циньинь лениво заказал пару простых закусок и велел ему идти.

— Позвольте дать совет, — не унимался тот, записывая заказ. — Вы ведь не из наших краев? С такой завидной красотой негоже разгуливать по городу в одиночестве — нынче это небезопасно.

— О как? — Юй Циньинь неспешно обмахнулся белым веером из перьев и безмятежно усмехнулся, точь-в-точь как Му Сибай в лучшие годы. — Неужели мужская любовь нынче в таком фаворе, что честных молодцев воруют прямо средь бела дня?

Оторопевший слуга поспешил ретироваться. Впрочем, в его словах была доля истины: в

смутные времена смены династий опасность подстерегала каждого, вне зависимости от пола.

Циньинь прислонился к оконной раме, наблюдая за суетой прохожих. Видимо, время для встречи было выбрано неудачно — Му Сибая «посчастливилось» родиться в эпоху хаоса и беззакония. Прикрываясь долгом признательности, а в душе ведомый иными порывами, Юй Циньинь твёрдо решил: в этой жизни он обеспечит Сибая покой.

В Лояне он не задержался. Чем больше до него доходило слухов о мятежах, тем сильнее становилась тревога. Ли Е указал лишь примерное местоположение, не обмолвившись ни словом о судьбе перерождённого, и эта неопределённость терзала сердце.

Выйдя из города, Циньинь последовал указаниям из письма: миновал несколько десятков ли по пыльному тракту, обогнул живописные рощи и наконец увидел небольшую деревушку. Стоило ему войти в селение, как на него устремились десятки глаз: на фоне крестьянских рубищ его расшитый шёлк смотрелся вызывающе ярко. Юй Циньинь не обращал на это внимания, лихорадочно вглядываясь в лица, но ни в ком не находил черт Му Сибая. Обойдя почти все дома и уже начав сомневаться, он вдруг наткнулся на ватагу мальчишек, которые с криками преследовали «чёрный уголёк».

— Твоя очередь! Лови его!

Один из сорванцов отвесил «угольку» звонкий пинок, и тот покатился под ноги другому ребёнку. Тот замешкался, а грязный комок вдруг зашевелился, расправил руки и ноги, и Циньинь оторопел: так это человек?

«Чёрный уголёк» опёрся маленькими ладошками о землю и поднялся. Он обвёл взглядом обидчиков, а затем посмотрел прямо на Циньиня. Взгляд его чистых, прозрачных глаз пронзил небожителя насквозь. Мальчуган был перемазан в угольной пыли так сильно, что черты лица едва угадывались, но эти глаза Юй Циньинь не спутал бы ни с чем в поднебесной.

Даже став несмышлёным замарашкой, Му Сибай ухитрился сохранить ту самую маску беспристрастности. Он смотрел невозмутимо, словно гладь лесного озера.

— Эй, мелюзга, спасайтесь! Сюда идёт злой дух! — в шутку крикнул Циньинь, едва сдерживая смех.

Дети есть дети: стоило им услышать о нечисти, как они с воплями бросились врассыпную, к своим матерям. Остался лишь «уголёк», который, будучи ростом едва ли до пояса Циньиню, продолжал пристально за ним наблюдать.

Радость от встречи была столь велика, что Циньинь не удержался — подхватил грязного сорванца на руки, не заботясь о чистоте своих одежд. Замарашка не сопротивлялся, безмолвно позволяя себя «тискать».

— Му... — Цинъинь выудил белый шёлковый платок и принялся оттирать чумазое личико. — Как тебя зовут?

— Нет имени, — коротко и просто ответил мальчик, не сводя с него глаз.

— Уголёк? — опешил Цинъинь. — Тебя и вправду так прозвали? Кто это придумал? Гадость какая, давай сменим его.

Мальчик понял, что его не расслышали, но поленился объяснять, решив оставить всё как есть.

— Тогда... быть тебе Му Сибаям. Согласен?

— Хорошо.

Цинъинь замер. С круглого, отмытого лица на него смотрели знакомые глаза; густые брови и волевой разрез век рождали в душе щемящее чувство дежавю. Но больше всего поразило другое: в чертах этого ребёнка, помимо сходства с прежним Сибаям, проглядывало что-то общее с маленьким Нехуаном. Юй Цинъинь почувствовал, как внутри закипает волна подозрений. Раньше он гнал их прочь, не имея доказательств, но теперь игнорировать правду стало невозможно. Кем на самом деле был Му Сибай? Смертный? Но как обычный человек мог раз за разом находить путь в павильон Юйсюань? Даже если верить в помощь лисьего бога, всё это выглядело слишком чудесно. Однако как бы Цинъинь ни проверял его сущность раньше, перед ним всегда была лишь плоть и кровь, без капли божественной искры.

— Сибай, ты помнишь меня? — спросил он, указывая на своё лицо.

Мальчик покачал головой — он смотрел без тени притворства.

— Я Юй Цинъинь. Но впредь зови меня просто Цинъинь.

Глядя на ребёнка, он не решался на суровые расспросы. Придётся действовать по обстоятельствам. Расспросив Сибая, Цинъинь узнал, что его мать давно умерла, и он в одиночку прибрёл из Лояна в эту глушь. Не имея ни крова, ни гроша за душой, он промышлял воровством, за что терпел побои от взрослых и издевательства сверстников. Цинъинь почувствовал, как сердце сжимается от боли: семилетний ребёнок жил в настоящем аду. О чём думали Симин и Ли Е, когда составляли такую судьбу?

Он не знал, что эта участь была уготована Му Сибаям намеренно.

Юй Цинъинь отвёл мальчика к ручью, хорошенько вымыл и, мгновенно слетав в Лоян, вернулся с обновками. Глядя на посвежевшего Сибая, уплетающего тёплые сладости, он облегчённо улыбнулся.

— Сибай, подожди меня здесь недолго. Я схожу к Симиному и вытрясу из него душу за твои обиды.

Потрепав мальчика по голове, он обернулся облаком и умчался прочь. Симин, душа моя, жди гостей.

Едва Юй Цинъинь скрылся из виду, выражение лица Му Сибая мгновенно изменилось.

Он подумал: «Неужели ты наконец начал сомневаться?»

***

Владыка Симин, едва успевший вырваться из цепких рук Эрлан Чжэньцзюня и добраться до своего поместья, даже не успел согреть кресло, как был вздёрнут за шиворот разъярённым Юй Цинъинем.

— В чём дело?! Что я опять натворил?! — в ужасе возопил Симин.

— Я ведь просил тебя найти для Му Сибая достойную семью! — прошипел Цинъинь.

Симин захлопал глазами, и постепенно понял:

— А? Так семья-то достойная! Я лично просил Ли Е подобрать ему место в императорском роду!

— В императорском?! — Цинъинь встряхнул его. — Ты хоть проверял судьбу наследников этой династии, прежде чем совать его туда? Му Сибай сейчас побирается в нищете и одиночестве!

Симин изобразил крайнюю степень потрясения:

— Возможно... у Ли Е дрогнула рука, и он выбрал путь «сперва горести, затем радости»...

— У него рука дрогнула? А ты куда смотрел?!

Цинъинь продолжал наступать, и Симин понял, что так просто не отделается.

— Моя вина, признаю, недоглядел!

Лишь услышав это, Цинъинь отпустил его воротник.

— Я пришёл спросить: ведь у Му Сибая нет предписанной Книги Судеб, так?

— Книги-то нет, но он занял место принца, чьи вехи жизни определены заранее.

Симин пояснил, что не он один управляет миром смертных. Будучи первым среди Владык Южного Ковша, он не мог единолично менять судьбу, за которую отвечали его собратья.

— Кроме меня, Силу Синцзюнь ведаёт его богатством, а Дуэ Синцзюнь — невзгодами и удачей.

Юй Циньинь хитро прищурился, и в его голове созрел новый план.

— Я лишь собираюсь оберегать его, пока он не вырастет и не обзаведётся семьёй. Ты ведь не станешь мне мешать?

Симин поспешно закивал, мечтая лишь о том, чтобы гость ушёл. Но стоило Циньиню скрыться, как до него дошёл весь масштаб катастрофы: он снова попался на крючок. «Оберегать, пока не заведёт семью» — это означало, что Циньинь и пальцем не пошевелит, чтобы вернуть Сибая на путь предначертанной принцу судьбы.

Одна лишь «защита» чего стоила: если принцу суждено пасть в тридцать лет, Циньинь вполне может растянуть его век до сотни. А уж женитьба... Если он женит его на той, кому суждено стать императрицей, или сделает его отцом будущего наследника, весь порядок мироздания полетит к чертям!

Симин бросился было вдогонку, но тут его перехватил Сяотянь Цюань, пёс-хранитель Эрлан Чжэньцзюня.

— Мой господин просит Звёздного Владыку немедленно явиться в его поместье.

Симин закатил глаза и бессильно повис на руках посланника. Вся надежда оставалась на Ли Е. Как наследный принц Города Фэнду, он не должен позволить Циньиню безнаказанно переворачивать мир смертных вверх дном. Если Му Сибай станет тираном и погубит тысячи душ, Подземному царству Юймин несдобровать.

Но Симин ошибся в выборе союзника. Ли Е был слишком занят великим делом под названием «Как привязать к себе сердце мужчины», чтобы обращать внимание на чужие проказы.